

А н т о н Б а х а р е в

ИЛЬИНКА

ГЛАВА 1. НАЧАЛО

Мы приехали в Ильинку в ноябре, когда уже случился минус двадцатник. Узбеки-гастарбайтеры, пахнувшие дымом, вышли из своей дээспэшной лачуги и загалдели, что им пора домой. Каждый год с наступлением морозов они возвращались в теплые края.

Сейчас в их глазах чернел ужас. Этой ночью большой рукотворный пруд продавил дамбу и утек в лес. Жили они прямо на берегу, вскочили от грохота и треска и выбежали в темноту, ничего не видя и не понимая. Теперь на месте пруда лежало одеяло льда размером со стадион, осевшее на дно и повторившее его рельеф. Узбеки вообще многое преодолевали. Их регулярно пытались поймать органы, приезжавшие сюда на «буханке». Гастарбайтеры разбежались по лесам и там пережидали облаву, сидя в сугробах на захваченных с собой кусках пенополистирола.

Я должен был набрать работяг из местных и продолжить стройку. Из области мне прикатили вагончик для жилья, выдали новую ватную спецовку, кирзачи с мехом, варежки и два пакета еды. Сказали: «Ну, командуй!» — и уехали.

Ну, и я стал командовать. Правда, не умел. Да и нечем было.

ГЛАВА 2. ГОЛУБОЙ ВАГОН

Ильинку называли по имени деревни, когда-то стоявшей неподалеку. От нее осталась пара серых исполинов-тополищ посреди кустов и мелколесья — на фоне черно-белого леса. Новая Ильинка появилась в распадке между Белой горой со знаменитым монастырем и горой соседней — Сибирячкой. А сам распадок звался Сучьей норой. Но это я узнал потом, когда познакомился с местным сель-

ским головой, увлеченным краеведом, и ходил с ним по окрестностям, строя планы по превращению базы отдыха в полноценный парк экоразвлечений и народных промыслов, с кучей рабочих мест.

А пока я просто лежал в вагончике, высунув из спальника нос, и охреневал от всего случившегося: ночь, глухомань, елки, снег, стройка — и я в 32 ее начальник. По Сучьей норе неся ветер, вылетал на ледяную равнину пруда и толкал туда-сюда мое четырехколесное жилище. Я засыпал и напевал: «Голубой вагон стоит, качается...»

Верилось в лучшее, как в песне.

ГЛАВА 3. БЫТ

Потом приехал главный инженер Димка. Его задачей было запустить бугельный подъемник, от которого пока стояли только опоры, уходящие к вершине Сибирячки. Подъемник был очень б/у, и Димка был вообще-то Дмитрием Васильевичем, так как возраст имел почти полувековой. Но выглядел в два раза моложе, потому что ни разу в жизни не курил и не пил. Я же сие пробовал неоднократно, но — загадка мироздания — тоже выглядел в два раза моложе.

Это мне неоднократно создавало трудности при общении с местными чиновниками, энергетиками, ментами, эмчезсниками, пилорамщиками и разнорабочими. То есть со всеми. Но примерно за полгода я их победил. Особенно когда весной мы заказали себе новые сногшибательные фиолетово-оранжевую спецовки, которые в местных весях были видны издали, а в придачу нам выдали сотый дизельный крузак для передвижения по всяким надобностям.

Но до того была еще целая зима, и мы принялись обустроить быт. Прочистили авеню к уличному сортиру, чтобы не вязнуть в сугробах, когда снег противно набивается в обувь на босу ногу и тает там, пока «думаешь за жысь» в надежде не обморозиться. Подлатали, протопили и помыли страшную и грязную банно-развалюху. Провели ревизию продуктов, расписали режим дня (это все Димка Васильевич) и договорились готовить по очереди. Кухонька была в вагончике, условия воспринимались как спартанские, но шикарные.

Неподалеку для сравнения чернел копчеными внутренностями дверной проем брошенной узбекской лачуги.

ГЛАВА 4. РОМКА

Мы кинули клич по местным селениям, и первым на работу пришел устраиваться Ромка. Другие мужики пока думали, потому что зарплату мы сулили небольшую. У них же не водилось никакой, но это все равно казалось им лучше, чем небольшая. У Ромки выбора не было: шестеро малых детей. С троими он взял жену, еще троих они быстренько соорудили вместе. И жил он недалеко, всего в полутора километрах.

Ромка был кряжист, рус, щетинист, светлоок, добродушен и почти беззуб. Богатырек, проигравший кариесу, потому что лечить было не на что. Каждый больной зуб Ромка терпел сколько мог, потом покупал бутылку водки, выливал в себя сразу стакан, вырывал зуб плоскогубцами и не спеша допивал остальное. Когда зубы не беспокоили, мог и не пить. Поэтому мы его сразу приняли главным разнорабочим.

Вечером небо становилось ясным, загорались огромные синие звезды. Мы с Димкой поселились в одном из двух купе нашего вагона, чтобы не включать два электрообогревателя, сжирающих все напряжение линии-временки. С моих нар сквозь продушанную прорубь в квадратном окошке была видна большая переливающаяся звезда, а с Димкиных — нет. Мы уже наговорились, но вот я увидел звезду и вспомнил, как смотрел на нее в детстве через бинокль. Столько времени прошло: она все там же, а я вон чо.

Вздыхая, рассказал об этом Дмитрию Васильевичу, а он в ответ сонно пробормотал: «Завтра Ромка придет, и будем опоры смотреть. Надо уже балансиры навешивать, и я, кажись, придумал, как их наверх поднять».

ГЛАВА 5. БАЛАНСИРЫ

Попробуйте вспомнить прожитые годы, скрупулезно описывая каждый конкретный день. Вот и я не умею. Поэтому думаю, что всю эту зиму мы навешивали балансиры. Это такая метал-

лическая херабора с колесами-роликами, которая крепится наверху опоры, и по ней ездит трос подъемника. Самые большие весили под 200 кг. Ромка прибывал к восьми утра, пил в вагончике чай, который называл чифирем, потом рассветало, и мы втроем тащили в гору на санях (корыте для раствора) очередной балансир.

Навешивание одной штуки занимало до двух дней. Техники у нас не было, но Димка придумал конструкцию, позволявшую нам с Ромкой канатом поднимать балансир на высоту шести-семи метров, хоть мы вдвоем и весили меньше. Сам инженер балансировал на верхушке опоры с гаечными ключами, прикручивал, стучал, откручивал и яростно матерился. А мы, распаренные как после бани, лежали в снегу, курили и весело смотрели на это дело.

Спускались домой в сумерках, глядя на белый в немыслимо синих небесах сахарок Белогорского монастыря, который было видно, начиная со второй опоры подъемника. Температуры достигли минус 30 градусов.

ГЛАВА 6. КУРШЕВЕЛЬ

Соседство с монастырем мне нравилось. Колокольный звон, плывя в морозном воздухе, приносил какое-то нерелигиозное удовольствие. Кажется, давно я что-то читал об этом — а теперь чувствовал на себе. Но симпатии не были взаимными. Сверху нас презрительно называли куршевелем. Это я узнал от одного мирянина — бывшего авторитета, а теперь просто уважаемого человека на гелике. Ходил он, однако, с револьвером. Но мы не собирались становиться значным местом, и, кажется, мне удалось их убедить.

В Новый год я рыл глину в подвале гостиницы, чтобы проложить канализационные трубы. Потому что остальные работяги пили, а Димка уехал в город. Глину в цокольный этаж насыпали уже после возведения здания, когда увидели, что весной грунтовая вода поднимается по первый этаж.

Я взял треногу с прожектором и сквозь дыру в железобетонной плите спустился в сырую тьму. Включил свет и на карачках прополз к нужному месту, сверяясь с планом помещений и непечатно

вербализуя его экспликацию. И стал копать. На потолке блистали серебряные иглы, превращаясь в бриллиантовые капли — и я сметал их спиной. А отдыхая, слушал непривычный писк проснувшихся новогодних комаров.

Когда приехал Сан Саныч, мой друг и босс всея проекта, и спросил, как идет стройка, я сказал: «Вот, сосулек наотламывал и сделал заборчик возле крыльца вагончика — зырь, какая красота!» Творческий подход.

ГЛАВА 7. ПЛАНЫ

Проект «Ильинка» был бомбическим. Даже перечисленные взახлеб, планы впечатляли. Деревня мастеров: гончары, берестянщики, резчики по дереву и все, кто делает что-то своими руками, — живущие в отдельных домиках вместе с семьями. Музей и выставочное пространство с панорамным окном на золотые купола монастыря. Самый большой в мире деревянный лабиринт по моим эскизам. Пешие и велотропы. Форелевое хозяйство. Вообще свое хозяйство: теплицы и минифермы, где, во-первых, гостям можно посмотреть, что яйца не растут на деревьях, а во-вторых, чтобы в меню кафе была только своя здоровая еда.

За что братья? Да за все. Для начала сторож построил курятник. В нем скоротечно пожили несколько куриц и замерзли на смерть. Требовалось подумать.

К весне нас стало уже человек семь. Но по факту получалось меньше, потому что пьянство было непобедимо. Получив любые деньги, аборигены предсказуемо пропадали. Я пытался с этим бороться.

Один мужик не появлялся три дня, потом позвонил и пьяно спросил, во сколько ему завтра выходить. Я сказал, что ни во сколько, потому что больше он тут не работает, мы ведь договаривались. Мужик побухал еще немного, перезвонил и стал орать, что сейчас приедет и закопает меня. Я ответил, что закапывалка у него еще не выросла, но что жду его возле шлагбаума. О, это был блеф на грани катастрофического фола! Но блеф удался: никто не приехал, а остальные стали прогуливать гораздо реже.

Сантехник, например, иногда приезжал пить прямо на работу.

ГЛАВА 8. ВЕСНА

Весна в Ильинке эталонна. Снега там намедает, что в твоих горах, тает он долго, хоть и бурно — проваливаешься по колено, когда в городе уже сухой асфальт с туфельками. Белую гору и назвали Белой, потому что снежная. Весенний лес пахнет так, что хочется летать. Везде шумит, булькает, птицы орут истошно, перед рассветом глухари барабанят прямо в перепонки. Лоси ходят, как дома, взирая на нас с холмов. Рысь по ночам следит вокруг вагончика. Зайцев вообще не счесть.

С теплом вернулись узбеки. Я, проживший тут всю зиму, радостно встретил их, как старых друзей. Ну вот, мол, мы снова вместе! Ребята посмотрели на меня настороженно, но дружелюбно. Оказалось, это не те же самые узбеки. По-русски сносно говорил только один, через него мы и познакомились. У всех были русские аналоги имен, но я мужественно просил оригиналы. И к вечеру, конечно, все забыл, кроме одного, самого легкого — Бобомурод.

Бобомурод был пацаном 19 лет. Сразу после школы ему дали денег на билет в один конец до Москвы. Он уехал работать, выучив две фразы — «здравствуйте» и «у вас есть хлеб?»

ГЛАВА 9. ДЕЛА И ВСЯКОЕ

Таял снег, лились ручьи, звенели колокола, а мы имели два этажа гостиницы с окнами в пол, семь деревянных домиков и двухэтажное кафе со стеклянной стеной во всю высоту. В лесу это выглядело космически. Грузовики везли стройматериалы и буксовали в непролазной грязи, а мы ходили по ней князьями.

Дел было миллион. Раздобыли древний бульдозер. У Ромки был мотоблок, поэтому мы решили, что он и на бульдозере сможет. Для начала сравнивали уличный туалет, попутно разобрав жилище узбеков и переселив их в бетонную комнату гостиницы. Заказали два километра троса для подъемника и бульдозером разматывали эту катушку. Но в гору он не пер, поэтому собрали всех, кого смогли, и до вершины Сибирячки протаскивали трос вручную.

Маячило лето, и я заселился в деревянный домик. Все зеленело, цвело и жужжало. Сидя на крылечке, я смотрел на копошение мелкой лесной живности и благоговел.

«Я тоже тебя люблю», — подумала Природа и переехала ко мне в домик. Муравьи маршировали по половицам, мыши преломляли со мной хлеб. Птицы прилетали за джутом, уложенным между бревен. А еще в Ильинке понравилось коровам из местной деревни. Они паслись на дне бывшего пруда, но иногда приходили к домикам. Первый раз, услышав ночью за стенкой тяжелую походку и шумные вздохи, я чуть не обделался.

Но в итоге обделалась корова — прямо в оставленную у крыльца коробку со сто двадцатыми саморезами.

ГЛАВА 10. ГОЛУБИКА

В наши владения проложили две ЛЭПки — одну на жилой фонд, другую — для подъемника. Первая иногда не работала, потому что проходила по лесу и частый ветер валил на нее ветки и деревья. В одно из таких отключений я ушел к подъемнику, законтачился в его тэпэшку и сидел с ноутбуком на поляне посреди вечерющего пространства. Наверняка Лешему нравилось мое освещенное интернетом лицо в лесных сумерках.

Когда совсем стемнело и из Сучьей норы потянуло прохладой, мне позвонили. Незнакомый номер оказался девушкой с канала «Культура». Она пригласила на съемки поэтической передачи «Вслух». В участниках значился сам Олег Дозморов, поэтому я медленно согласился и через несколько дней приехал в Москву.

С этой девушкой мы встретились перед отелем. Она держала стаканчик с голубикой и протянула мне. Ягоды были огромные, почти с перепелиное яйцо.

— Вкусно?

— Вкусно, спасибо. Но таких не бывает.

Когда вышел этот выпуск, мне позвонил знакомый и сказал:

— Я думал, ты в тайге, а ты в телевизоре на федеральном канале!

«Поэт — везде», — скромно подумал я, но ему с пафосом ответил:

— Уж так получилось.

ГЛАВА 11. ПЛОВ

Летняя Ильинка была царством люпина. Окрестности стояли фиолетовыми. Я называл наших «люпин-пролетариатом». Впрочем, мимо.

В июне работать было почти некому: сезонный ягодный бизнес давал невероятные две-три тысячи рублей ежедневного дохода. Да и первые несмелые красноголовики и обабки стоили, наверно, как трюфели. Местные продавали все на единственной асфальтированной дороге — трассе, ведущей к монастырю. Я тоже уходил пастись в земляничные поля.

Работали в основном узбеки. Мы начали строить музей пермского звериного стиля — и они за двое суток феноменально вынули 30 кубов грунта под фундамент и залили все это раствором. Каждый вечер узбеки готовили плов в уличном казане и угощали меня. Я за своим питанием не следил, поэтому радовался угощению.

Потом, когда наступила поздняя осень и они снова засобирались домой, а нам нужно было кровь из носу добетонировать дамбу, я как мог удерживал их целую неделю, покупая им рис, курицу, лук с морковкой, конфеты и даже чекушки водки. И мы успели!

А когда они уехали, на ступеньке в гостинице нашлась сплюснутая сигаретная пачка, в которую был вкручен саморез острием вверх. Нельзя морозить теплолюбивых людей.

ГЛАВА 12. БАНЯ

Я проснулся от стука в дверь. Был шестой час утра. Оказалось, пришел сторож. Он спокойно сообщил, что горит баня. Я накинул куртку и побежал к пожару. На мой вопрос, вызвал ли он пожарных, сторож сказал, что не подумал.

На месте бани полыхала свеча высотой метров семь. Огнеборцев я все-таки вызвал. Брандмейстером у них в этот день как раз числился Саня, подрабатывающий у нас. Они приехали, а я сходил в домик за бутылкой белого сухого, припасенной для особого случая. Ее мы и распили все вместе, глядя на огонь. Уезжая, Саня включил мигалку и в громкоговоритель сказал: «До свидания, Антон Павлович!»

Грустить было некогда, потому что этим же утром я с друзьями отправлялся в Ижевск на музыкальный фестиваль, куда заявился на конкурс стихов. А баня — дело наживное, и взамен мы потом построили целых две.

На фестиваль шикарно ехали на таксомоторе. А так как вино я вынужденно употребил еще в шесть утра, останавливаться в этом занятии не было смысла. К тому же мне неожиданно присудили первое место. Организм явно испытывался на прочность. На нее же полсутки испытывалась психика приютившего нас воткинского поэта Саши Корамыслова и еще одного гостя — поэта Сергея Ивкина.

В пять утра на Сашиной кухне я пел «Черного ворона».

ГЛАВА 13. ЗУБНОЙ ПРУД

Возвращались мы, поспав часов пять и безусловно поправив здоровье перед отъездом. Останавливались в полях, собирали и покупали землянику, подпевали радиоволнам. Ехалось весело, такси — все-таки не автобус.

В Ильинке я первым делом прыгнул освежиться в пруд, который мы уже почти починили. Пруд назывался Зубным. Потому что однажды я плавал в нем, и у меня выпал металлокерамический мост, пробно установленный на две недели. С зубами были проблемы не только у Ромки.

Мост стоил пятизначную сумму, глубина была пятиметровой. К тому же мне, Антону Палычу, делал его стоматолог Михал Юрьич. Такое не бросают. Я поехал в соседнее село и объявил награду в 2000 рублей за подъем со дна маленькой штуковины. Деньги были приличные, случился ажиотаж, и я ждал очередь из ловких ныряльщиков. Но прибыли лишь два мужика. Нырнули по разу, сказали, что там холодно и темно, и уехали. Так мои зубы стали частью культурного слоя нашей эпохи.

Освежившись, я вылез и увидел возле подмышки задницу присосавшегося клеща. Как с этим бороться, я понятия не имел, поэтому пошел к сторожу, так как он абориген и все такое знает. Сторож сказал, что это пустяки, выкрутил клеща и сжег зажигалкой.

А я решил наконец уgomониться и отправился спать.

ГЛАВА 14. ЛАЙМ

Снова начались насыщенные рабочие дни. Машины приходили каждый день. Везли доски, цемент, кирпичи и блоки, плитку, трубы, сантехнику. Мы разгружали, растаскивали по объектам и встречали новую порцию. После Ижевска прошло 11 дней, и я наконец позабыл о своем первом в жизни укусе клеща. А он оказался попаданием сразу в яблочко.

Я подписывал водителю бумаги, и вдруг почувствовал, как моя голова куда-то поплыла. К вечеру температура была под 38, но я еще надеялся на простуду. В семь утра, увидев на градуснике 39,2, вызвал скорую. Пришлось потрудиться, объясняя из леса, куда нужно приехать.

Меня отвезли в местную больничку, что-то вкололи и отправили в инфекционку старинного города Кунгура. На приеме я уже пришел в себя и яростно просился обратно, потому что «у меня же там подрядчики». Врач недоуменно посмотрела поверх очков и вызвала медсестру.

Мне вручили клетчатую пижаму и закрыли на две недели с диагнозом «боррелиоз», он же — болезнь имени фрукта, который продают к текиле.

ГЛАВА 15. РАБОТА

Я, как водится, выздоровел. В Ильинке наступила пора отделочных работ и обустройства номеров. Мы заказали в Китае полную фуру мебели, и она где-то ехала. А пока — укладывали ламинат и плитку, красили стены и устанавливали раковины с унитазами.

Одна из идей места заключалась в том, что через огромные окна в помещения заходит природа — поэтому в отделке использовали натуральный камень и дерево. Я включал креатив: стену одного из номеров мы полностью закрыли горбылем, а в другом привинтили осиновые ветви, словно деревья, от потолка до пола. Это вам не сосульки возле крыльца.

А еще у нас была самая крутая в мире столешница на стойке ре-сепшен: монолитная плита из целого огромного бревна. Пользуясь

строительными терминами, ее можно было назвать доской-двухсоткой, имевшей к тому же полметра ширины. Изрядная вышла стойка, равная по цене месячной зарплате наших работяг.

За всякими хозпокупками, включая мелкую мебель, мы снарядили экспедицию в екатовскую Икею. Пробыли там от открытия до закрытия, заказали грузовик вещей, я попробовал легендарные фрикадельки с брусничным соусом — и больше, слава Богу, никогда там не бывал.

ГЛАВА 16. ДЬЯК С ХЛЕБОМ И КАРТОШКОЙ

Все-таки чаще нам отключал свет не ветер, а энергеты — за неуплату. Газ был нужен, как воздух. Суммы натекали такие длинные, словно мы были целым поселком. Три тысячи киловатт в день в зимние месяцы — норма. Да мы и были поселком, работавшим на электричестве. И на морально-волевых, которые, к счастью, не учитывались, потому что это были бы числа в степени. Только в одном моем домишке в морозы работало шесть обогревателей, они люто сушили воздух — и по утрам я размачивал свой деревянный язык в кружке с водой.

Весной на отделку домиков приехала бригада ребят из Перми. Главного логично звали Дьяком: ну, мы же соседствовали с монастырем, думал я, особо не вникая в слова. Их рабочая задача из двухнедельной выросла в полугодовую: финал все отъезжал от наблюдателя, как в странном сне, когда бежишь к чему-то, но цель удаляется, словно у тебя не глаза, а бинокль наоборот.

И это был не только странный, но и прекрасный сон. Днем они строгаги, пилили и колотили, а вечером пели регги. Деревянная часть Ильинки превратилась в хипповскую коммуну. Спали на досках в этих же домиках, а еду, когда она была, готовили на костре. Но зато на звук еда присутствовала всегда: одного из ребят звали Хлебом, а его подругу — Картошкой.

Однажды Дьяк показал мне банку тушенки за 17 рублей. Даже худшие кошачьи консервы стоили больше. А я как раз нашел четыре красноголовика. Мы решили их зажарить. Но за зиму я забыл, долго ли грибы готовятся. А если не знаешь, сколько готовить еду, готовишь долго. Через 40 минут жарки сытная сковородка белков и углеводов превратилась в горстку жестких черных комочков.

Но мы их с наслаждением сжевали. Все лучше, чем народная тушенка.

ГЛАВА 17. МАДЕ ИН ШИНА

Машина с китайской мебелью прибыла ранней зимой, когда наша грунтовка, отходящая от основной трассы, превратилась из грязевой в снежно-ледяную. Поэтому тяжелая и длинная фура встала сразу же.

Ромка пригнал бульдозер, и мы потянули фуру за трос. Сначала порвался трос. Затем сломался фаркоп. А потом мы сосредоточились, и всего за два часа заветные полтора километра были пройдены. Началась великая разгрузка: мебель в разобранном состоянии лежала в плотно набитой до самого потолка фуре, и мы работали почти всю ночь.

Великая сборка продолжалась всю зиму. Ильинка обретала внутреннее «я».

А Сан Саныч заболел. Он звонил мне из Турции, интересуясь нашими успехами. Таковых было немного, потому что перебои с зарплатами действовали на нас, только начинавших превращаться в команду, удручающе. Задержки случались и раньше, но воспринимались не так болезненно. И стройматериалы раньше приходили вовремя — отделочникам было чем заняться. А теперь приходилось ждать, ждать...

Но мы мечтали, что вот-вот откроемся и уж тогда заживем!

ГЛАВА 18. ЧИН

В штате уже числились: главный инженер Димка, главный разнорабочий Ромка, главный сантехник Серега, главный электрик, главный сварщик, два главных сторожа, главный по отделке Витя. И три девушки-песни: Лаура, Татьяна и Анна. Тоже главные. Аня — главный инструктор по горным лыжам, Лаура и Таня — главные по гостиничным делам. Но пока они героически занимались всем подряд — от бесконечной уборки помещений до штукатурки. Мы уже сделали кафе, китайские цветастые стулья смотрелись там

просто атас, на подходе было кухонное оборудование и вентиляция. Почему все главные? А никак иначе: не знаю кто, но нас официально назвали Resort&SPA Ильинка. Идешь себе по лесу, жрешь заячью капусту — а тут фигакс: резорт-энд-спа.

Мы как-то позабыли о том, что нужно получить разрешение от МЧС, и теперь решали этот вопрос. Минимально нужный чин наконец был найден и привезен из Кунгура. Мы ходили, он говорил про пожарные нормы, я записывал. За эту неофициальную помощь я посулил ему бесплатное проживание в любой из праздников. Он согласился.

Когда мы открылись, он позвонил и сказал, что хочет с ребятами отметить профессиональный праздник. Надо, говорит, послезавтра накрыть поляну человек этак на 15 с коньячком и закусками. И деловито перечисляет, чего именно господа желают вкушать.

Я ответил отказом, потому что уговор был только на проживание. Чин обиделся и пропал с радаров.

ГЛАВА 19. ОТКРЫТИЕ

На открытие приехало местное телевидение. Мы надули и развесили шарики, а я второй раз за два года надел пиджак. Дел, конечно, еще оставалось много, но не за горами, как счастье в Перми, был Новый год, поэтому надо было начинать шуметь в эфире. Шарики мигом сдулись и полопались на холодном ноябрьском ветру, а меня в этом нелепом наряде продуло насквозь, пока мы всем составом торжественно стояли на крыльце гостиницы.

Мы презентовали проект местным шишкам и туроператорам в новеньком конференц-зале. Приехал даже какой-то министр. Впрочем, впоследствии он оказался под стражей. Конференц-зал был одной из изюминок в булочке нашего бытия. Огромный во всю стену белый стеллаж из дерева был заполнен книгами и виниловыми пластинками. Рядом стоял проигрыватель. Книги мы с Сан Санычем сами выбирали в пермском «Букинисте», изумив сотрудников объемом покупки. А пластинки удалось добыть в погребах музыкального колледжа после их списания.

Можно было приехать в Ильинку, чтобы посреди леса слушать и читать классику. А свои книги со стихами я вручал всем гостям в подарок.

ГЛАВА 20. МАТЕРНАЯ

31 декабря начался первый пробный заезд туристов. Свободных мест на базе не осталось, даже несмотря на так и не запущенный подъемник. Мы с командой праздновали Новый год там же. После каникул закипела работа над ошибками.

Электрик Коля был крупным мужиком лет шестидесяти. Ко мне относился пренебрежительно. Он первым озвучил ползущие слухи — приехал утром и злобно проговорил: «У Сан Саныча четвертая стадия, скоро вашей Ильинке п***ц, москвичи ее купят!»

Я знал о проблемах со здоровьем от самого Сан Саныча, но он держался бодро и был уверен, что поправится. К тому же после лечения в Турции привез нам самосвал мореных кореньев с берега водохранилища для уличного декора. Декором занялись тут же: скручивали коренья шурупвертами под дождем и снегом. Потом в домике обсудили творческие планы, попили вина и даже поели докторской колбасы. Жизнь, очевидно, налаживалась.

Поэтому на слова электрика Коли я быстро развернулся к нему всем телом и отрывисто проорал в морду: «Пошел! На х**! Отсюда!»

И Коля пошел на х**.

ГЛАВА 21. БОБРЫ

На Новый год зарплату нам выдал Сан Саныч из своих, потому что конторских денег на работяг не хватило. Весной стало совсем туго. Сан Саныч снова лечился, а мы занимались кто чем. Проложили дорожку из пеньков к зданию музея, замазали швы каменного цоколя гостиницы. В сотый раз вымыли полы. Димка сражался с подъемником — нужных деталей не было. Я шкурил изнутри стены новой бани на берегу пруда. В пруд мы запустили

рыбью мелочь — и посреди травы уже можно было заметить торчащие карандашики щурят.

В дамбе пруда бобры стали рыть норы. Пришлось их втихую отстрелять. Грохот выстрелов ходил по всей округе. Мы ели наваристый шулюм из бобрятины, а я жалел, что уходит эпоха, когда звери жили рядом с нами. Я даже установил официальную табличку в те времена, когда наш бобр еще не завел подругу и не претендовал на расширение: написал на фанерке «Бобр Федр» и воткнул рядом с дорогой.

Потом после дождей оползла часть склона у вершины Сибирячки. Под угрозой обрушения оказались две опоры. Склон нужно было как-то укреплять. Я узнал слово «габионы». Но это было так дорого, что невозможно.

ГЛАВА 22. САН САНЫЧ

Мне позвонили июньской ночью и сказали, что Сан Саныч умер. Я вышел в белую тьму, сел на землю и завыл. Как проходили эти дни, я не помню. Отпевали Сан Саныча в Перми. Я пробухал в городе всю ночь и стоял там на грани обморока. После Ильинки солнечное пространство храма казалось крохотным.

Подойти не смог. Смотрел сквозь людей издали на белый лоб, самый последний раз смотрел на своего друга Сан Саныча. Гроб закрыли. На кладбище я не поехал. Ну что там делать с полным автобусом людей?.. Еще я не знал, что делать в Ильинке. Сражаться с финансовым? Передавать своим, чтобы держались? Работать, чтобы не думать?

Я попытался. Выбивал материалы. Доказывал, что людям нужна зарплата. Механически шкуру баню. Смотрел на верхушки елок. Но за полгода скис и зимой, оставив все свои вещи, уехал в Пермь.

ГЛАВА 23. КОНЕЦ

Прошло несколько лет. Ильинка — банкрот и продается на Авито. Мебель и техника вывезены, здания законсервированы, электричество отключено. Подъемник так и не поднял на Сибирячку

ни одного человека. Туристы после новогоднего аншлага быстро сошли на нет.

Наша команда работает кто где, вернувшись к жизни, которая была до. Мы изредка списываемся в соцсетях.

Разнорабочего богатыря Ромку в мой день рождения сбила на трассе машина. Ромка пролежал несколько дней в коме и умер, оставив полный дом детей и беременную жену. Теперь рассекает на своем мотоблоке где-то там — по перистым облакам над зарастающей лесом Ильинкой.

ПОСТСКРИПТУМ

В ноябре 2020 года Ильинку наконец купили. За сумму, которую в лучшие времена мы осваивали в течение недели. Теперь там новая жизнь. В которой, конечно, останется что-то и от нас. Физическое, но почти невидимое — водяные знаки, подтверждающие настоящесть.

Отпечатки пальцев на застывшем бетоне. Следы на подвальной глине. Смазанная молотком шляпка упрямого самореза. Мои зубы на дне пруда. И эти буквы.

